

М. Соколовская

О ВЫСТАВКЕ «ДЕВЯНОСТЫЕ ДЕТЕЙ: ЖУРНАЛ “ТРАМВАЙ”» (Ельцин Центр, Екатеринбург)

С 8 июня до 2 июля 2017 г. в Президентском центре Б. Н. Ельцина (Ельцин Центре) в Екатеринбурге прошла выставка «Девяностые детей: журнал “Трамвай”». Выставка открыла программу выставок Музея первого президента России Б. Н. Ельцина о детстве в России в 1990-е гг. и рассказывала, с какой картиной мира знакомили читателя-ребенка журнал «Трамвай» и его авторы в 1990–1991 гг., и шире — какую картину мира предложила детям перестройка. Мир детей как набор практик и представлений, в которых долгое время сохраняются явления предыдущих поколений, как мир, ограниченный интересами ребенка, тем не менее, связан с взрослыми заботами и не только трансформируется в разных исторических обстоятельствах на материальном уровне, но оказывается пронизан образами большой истории. Когда задумывалась выставочная программа «Девяностые детей», интерес представляло то, как политические сдвиги отражаются в детских текстах и текстах для детей, как дети усваивают язык и образы современной истории и политики. История «Трамвая» позволяет репрезентировать усилия взрослых — авторов журнала и выписывавших его для своих детей родителей — на этом пути.

Журнал «Трамвай» был придуман в 1989 г. писателем Тимом Собакиным и художником Александром Артемовым. Советский детский фонд им. В. И. Ленина издавал еженедельную газету «Семья», в которой была рубрика «Трамвай № Мы», и редактор газеты Сергей Абрамов предложил авторам рубрики создать новый журнал для младших школьников. Первый номер увидел свет в 1990 г. В 1992 г. журнал не выходил, в 1993-м, благодаря настойчивости редакции и поддержке одного из банков, вернулся к своим читателям и просуществовал еще несколько лет.

В первом полугодии 1991 г. родители выписали мне журнал «Трамвай». Те несколько номеров, что пришли по почте и были многожды прочитаны, произвели колоссальное впечатление. Там была старушка, во время наводнения в Петербурге показывающая язык Медному всаднику; были сладкие картины иначе, слишком, заманчиво обустроенного детства — в отрывках из воспоминаний Владимира Набокова и Анастасии Цветаевой.

Выбор этого журнала для первой выставки «Девяностые детей» обосновывался и моей детской любовью, и предположением, что журнал стал общим опытом моего поколения. Скоро выяснилось, что о журнале многие мои ровесники никогда не слышали, что ежемесячный тираж более двух миллионов не обеспечил максимального охвата детской аудитории. Тем не менее, «Трамвай» остался маркером эпохи, когда мне было лет восемь-девять. Он был прочитан накануне тревожной подростковой поры и социально-экономических перемен в стране, дав важный запас эмоций и картин сложно устроенного мира, на пороге расширения границ детского мира, вхождения в историю. Позже все впечатления того времени были осмыслены как исторические свидетельства: «Трамвай», кукла Барби, конкурс красоты в пионерлагере приобрели другие значения. «Трамвай» не был всеобщим чтением, как ряд других детских журналов, но он является ярким примером опыта, который потенциально могли пережить люди одного поколения.

Каждый выпуск журнала на выставке был представлен через один или несколько избранных разворотов со значимыми публикациями и через комментарий, в котором обозначались структурные и содержательные особенности каждого номера. Сквозными темами стали идентичность, жизненные модели, гендерные роли, восприятие времени, социальная активность ребенка, новое знание.

Афиша выставки. Президентский центр Б. Н. Ельцина

Девяностые не были монолитной эпохой. Вызванная экономическими причинами пауза в издании журнала в 1992 г. оказалась значимой границей. «Трамвай» 1990–1991 и 1993–1995 гг. — это два разных по характеру издания, и определяется это различие внелитературными факторами, структурой журнала и соотносением его публикаций с жизнью общества. Первые два года издателем выступал Советский детский фонд имени В. И. Ленина. Эта организация под руководством писателя Альберта Лиханова начала работу в 1987 г., стала заметной инициативой перестройки и, как и другие порождения гласности, выступила для своих читателей проводником за границы советского мира. Вместе с журналом ребенок, как и его взрослые родственники и учителя, открывал прежде известное лишь специалистам, в 1930-е гг. исключенное из советского культурного наследия творчество Елены Гуро и Казимира Малевича, Владимира Набокова и Василия Кандинского.

Помимо новых историй «Трамвай» предложил читателю новую модель идентичности — плавающую идентичность, тревожное существование между социальными правилами и собственными желаниями в колеблющейся социально-политической ситуации, игровую модель поведения как инструмент преодоления тех разрывов в культуре и морали, с которыми столкнулся житель умиравшего Советского Союза. «Трамвай» стал альтернативным журналом по отношению к такому массовому и давно существовавшему изданию для детей, как «Мурзилка». Многие писатели и художники публиковались в обоих журналах. Но «Мурзилка» предлагал читателю нормированную картину мира: в ней были разграничены роли детей и взрослых, определены правила поведения младших школьников, круг детских забот. «Мурзилка» в начале 1990-х гг. начнет меняться в новых культурных и экономических реалиях, но «Трамвай» с самого начала был ориентирован на другую картину мира. Он не столько отражал кризис позднесоветской культуры, сколько видел в смутной, подвижной, изменчивой, нестереотипной, избегающей нормализации идентификации продуктивную ситуацию. Редакция журнала «Трамвай» предлагала читателю новые эстетические и этические ценности, укорененные в идее многообразия жизненных моделей.

«Наверное, весь этот журнал в целом — он для меня существовал как отдельное произведение с каждым выпуском. И иллюстрации, и верстка, и сумасшедшие рассказы, и стихи. Кажется, у них

не было ничего, о чем нельзя было бы писать (тут я, конечно, имею в виду детское издание). В одном номере мог быть пронзительный репортаж о том, как живет детям-сиротам, залихватские короткие истории, хулиганские стихи, обзор поэтов XX в. (например, Заболоцкого) или текст о Марке Шагале. Ну и игры, конечно — невероятно остроумно составленные, мастерски нарисованные и просто интересные и смешные для ребенка. Журнал учил, что на свете есть совершенно разные вещи, и обо всем можно говорить, все обсуждать. Ну и просто — над некоторыми материалами я как хохотал тогда, так хохочу и сейчас»¹, — это рассказ о журнале посетителя выставки, читавшего журнал в детстве. Но и те, кто познакомился с журналом на выставке, уже взрослыми, реагируют схоже: «В “Трамвае” меня поразил набор тем, глубокий гуманистический подход к разговору о сложном, но простым языком. И этот разговор с ребенком как с личностью, а не как с маленьким неразумным придатком, без сюсюканья, без ми-ми-ми, чего я вообще не люблю в разговоре с детьми. Беседа на равных, в том числе в плане фантазии и открытости необычному. Я бы хотела в детстве такого разговора, но у меня дома его не было».

В 1993–1995 гг. «Трамвай» сохраняет свой необычный характер, но журнал уже не будет играть прежнюю роль посредника между призывающим к порядку обществом и разрываемым разными желаниями ребенком, между советской и несоветскими культурными традициями и т. д. Разговор о желаниях (расширить границы, переосмыслить, оказаться в зыбком положении) сменится практикой замкнутой на игровую ситуацию примерки ролей («Привет, крысята!») — так мог этот новый, 1994–1995 гг., журнал обращаться к читателям).

«Трамвай» актуализировал для юного читателя понятия времени и эпохи, предлагая альтернативу привычному советскому календарю и привычным образцам героического. Журнал стал писать о новых, несоветских и несоциалистических, праздниках. В марте 1990 г. рассказывал о Масленице, в апреле 1990 г. — о Дне дурака. Первый выпуск «Трамвая» в 1991 г. знакомил с тем, что такое время и как его измеряли в разные эпохи. Советский календарь стал замещаться новыми вариантами календаря: в 1991 г. Наталья Алеева начинает рассказывать о христианских праздниках, при этом журнал обыгрывал и образы китайского двенадцатилетнего цикла животных. Февральский номер 1991 г. рассказал и о празднике Сретения, и о Дне Святого Валентина, опубликовал

Владимира Набокова в рубрике «Страна далекого детства», в одной из постоянных рубрик журнала — о том, каким было детство прапрабабушек и прапрадедушек нынешних читателей, о детстве как райском уголке. Вместе с тем этот февральский номер был посвящен Дню Советской Армии и Военно-Морского флота.

Новые отношения с советским праздничным календарем заметнее всего проявились прежде всего в февральском и мартовском выпусках, в переосмыслении ролей мужчины-защитника и женщины — мамы и возлюбленной. Февральский номер 1990 г. включал «Песнь о Великом Походе и маленькой дырочке» Григория Кружкова, неподписанный рассказ об истории военных доспехов и обмундирования «Чем совершеннее оружие, тем беззащитней человек» и рассказ О. Кошкина «Надоело воевать!». Редакция предложила читателю задаться вопросом об издержках и цене военных побед, а также иных великих свершений. Февральский номер 1991 г. открывался рассказом Олега Кургузова «Как мы поздравляли папу», начинавшемся меланхолично: «Обычно по праздникам у папы грустное настроение». В этом же номере в стихотворении Михаила Яснова «Зимняя сказка» рассказывалась история двух добрых и печальных игрушечных солдатиков.

Мартовский номер 1990 г. был одним из самых разнообразных и интересных выпусков «Трамвая». Ожидаемо он был приурочен к Международному женскому дню. Открывался номер рассказом «Мой товарищ — бабушка» Тима Собакина — о силе бабушек и преодолении межпоколенческих расстояний (в июньском номере за этот же год Тим Собакин опубликует ответ бабушки «Мой товарищ — внук»; в этом же году журнал проводил конкурс «Твое родословие»). У бабушки Клавды на любой войне любому противнику один ответ — накормить, так что прежде всего рассказ «Мой товарищ — бабушка» — о силе и мудрости женщин, приготовлением котлет созидающих мировую гармонию. Абсурдистская история о тяготах женской жизни, зависимости мужчин от женской заботы и женском бунте «Семь мам Семена Синебородько» Григория Остера добавила красок в то, как детский журнал представляет ребенку гендерный порядок.

Мартовские выпуски советских журналов часто содержали рекомендации для мужчин и детей сделать приятное маме и что-то приготовить. «Трамвай» в марте 1990 г. учит юных читателей осваивать нехитрую кухню эпохи продуктового дефицита («Ты не печалься, а лучше свари-ка обычную гречку!»), иронически осмысляя

ситуацию с продуктами как античный эпос. Кулинарные советы гексамером написала Татьяна Петросян, автор «Записки» в этом же номере — сравнимую с шекспировской любовную комедию, разыгранную на обычном школьном уроке. Девочка признается в любви мальчику, и герой в смятении пытается понять, что такое любовь; почва уходит у него из-под ног, все известные ему образы любви ставят его в уязвимое подчиненное положение. Герой-мальчик должен научиться чувствовать, должен разобраться в себе и ответить девочке, переживания которой скрыты, зато обозначена ее позиция действующего, принимающего решения, заявляющего о своих чувствах прямо субъекта. Во многих рассказах журнал представлял девочек и женщин как активно действующих персонажей. Супербабушки и супермамы на страницах журнала противостоят грустным и потерянным папам.

В СССР многие дети росли только с мамами и бабушками, и тем приходилось играть и роли отсутствующих мужчин. От женщины в любых обстоятельствах требовалось быть супергероиней и в частной жизни, и на работе. Свой груз героического ложился и на плечи советских мужчин, а также мальчиков и девочек. Рассказ «Мама, будь мамой!» Татьяны Петросян в №8 за 1990 г. защищал право быть собой и показывал детям, что это право важнее всего, тем самым критикуя не только гендерный прядок, но общую установку советской культуры — взваливать на каждого груз чрезмерных ожиданий.

Рассказ «Все мы инопланетяне на этой земле» Марины Москвиной в мартовском выпуске 1991 г. также зафиксировал эту важную коллизию перестройки в декорациях семейного быта: на сцену выходят растерянные мужчины и заботливые сильные женщины. Героиней рассказа завладела страсть к иррациональному и метафизическому: папа «ходил на курсы по изучению летающих тарелок», «распахнул сердце космосу». В это время «мама — то наденет новое платье, то испечет пирог с надписью “Привет Михаилу!”», то свяжет папе варежки». В иллюстрациях Виктора Чугуевского подчеркивается эта линия повествования, и конфликт между поисками духовного и обустройством повседневной жизни ярко разворачивается как противостояние мужской растерянности и женской ответственности. Мужским героям «Трамвая» комфортнее было быть маргиналами, убегать от жизни, размышлять. Как в опубликованном в февральском номере 1991 г. стихотворении Аллы Колибаб «Обычный Робинзон»:

Смотрю на бурный океан,
Стою на тихом острове,
Правитель выдуманных стран,
Хозяин замков на песке.

Впрочем, растерянность была общей. Мамы оставляли семьи или оборачивались инопланетянками. Жизнь в стране менялась, и дети были призваны всматриваться в современность. В апрельском выпуске 1990 г. в сказке Сергея Седова «Чудак Володя» сплелись мотивы сказки «Джек и бобовый стебель», мифа о Персее и Андромеде, историй о драконах и принцессах, но в мир чудес и литературных аллюзий вторглась современная политика, и принцесса оказалась дочкой Генерального секретаря ООН.

Шестой выпуск «Трамвая» 1990 г. открывался шуточной перепиской американского мальчишки и советской девчонки. Они флиртуют друг с другом, «Машенька, крошка», «Джон, мой мальчик», «хочу заниматься каким-нибудь *серьезным делом* с тобой», «надо ли для этого объединяться в совхоз или другую организацию ... отвечай скорее». Но вместе Джон и Маша задаются вопросами, что такое «серьезное дело», какие серьезные задачи ставят перед собой американские и советские подростки, как они могут участвовать в общественной жизни своих стран. Содержание и тон этой «переписки» — также яркое свидетельство потепления отношений между СССР и США в эпоху Перестройки. Основным текстом № 11 за 1990 г., с вынесением иллюстрации Анатолия Дубовика на обложку, стал рассказ Олега Кириллова «Путешествие наугад» о том, как мальчики Иван Петров и Уго Раздило обнаружили общую советско-американскую историю в русских названиях американских городов.

В № 7 за 1990 г. журнал проводит расследование о пыли и экологии и призывает читателей узнавать, какие источники пыли и грязи являются основными в их населенных пунктах. Вслед за взрослыми острые экологические проблемы становятся заботой детей. К этой проблематике журнал снова обратится в мае 1991 г., когда предложит читателям вручать руководителям местных предприятий удостоверение «Загрязнителя воздуха, воды и земли».

В десятом номере 1990 г. «Трамвай» вернулся к начатому в первом выпуске разговору о необходимости помогать детям, оказавшимся в беде, тем, кто остался сиротой, заболел или стал беженцем. Журнал рассказал о том, что Советский детский фонд издает марки, покупая которые, можно перечислить деньги на благотворительные

цели. В этом же выпуске запускался проект «Острова одиночества»: юным читателям предлагалось объединяться в команды, вовлекать в них взрослых и отправляться в детские больницы, чтобы общаться с тяжело больными сверстниками, помогать им справляться с болью и одиночеством.

Выпуски «Трамвая» готовились к печати заранее и напрямую с конкретными событиями в стране связаны не были, но отражали все важные социально-политические процессы, в том числе разрушение языка советской символики, новые формы общественной жизни и ориентацию на принципы американской демократии. «Флажки» Виктора Шендеровича и «Свободу зевоте» Георгия Мелова в девятом номере 1991 г. показывают перемены в жизни и взрослых, и детей.

Еще одной из важных частей «Трамвая» были познавательные статьи. В мае в СССР праздновали не только День Победы, но и День советской печати, и День радио. В 1990 г. майский номер строился вокруг сказок разных народов и рассказов о связях связи. Журнал говорил с читателями о том, как люди находят друг друга и друг друга понимают. Восьмой выпуск в 1990 г. был о том, что такое свет, как его можно приручить и «может ли глаз ошибаться». В рубрике «Слон-любящий-отвечать-на» можно было узнать, что вопросы могут быть дерзкими и парадоксальными, как и ответы на них.

В сентябрьском выпуске 1990 г. дети могли прочитать статью Н. Танича «Жизнь — это сон» — о том, что жизнь не только подвиг, учеба или любая другая социальная миссия.

Августовский номер 1991 г. рассказал о семье Николая Гумилева и Анны Ахматовой, об их сыне Льве, о репрессиях и о том, что насилие и несправедливость можно победить. Заодно журнал учил создавать воздушных змеев и рассказывал об оксюморонах. Научно-познавательные публикации о торговых автоматах, корейских головоломках, истории причесок, камере-обскуре и т. д. встраивались в переживание хода времени, в конструкцию календаря, в систему знаний, в которой разные элементы образовывали несколько сквозных сюжетов и знакомили читателя не только с историей, физикой или механикой, но ставили важные вопросы понимания. Вопрос «может ли глаз ошибаться?» был шире проблем оптики.

Публикация в сентябрьском выпуске 1990 г. о программе в Московской средней художественной школе при Московском государственном художественном институте им. В. И. Сурикова может

быть прочитана как ключ к статьям о Елене Гуро, Николае Заболоцком или Всеволоде Некрасове и другим рассказам о писателях и художниках прошлого, заново включаемых в культурное наследие. Программа знакомила учеников с языками абстракции. Юному читателю, рассматривающему абстрактные композиции, предложили осознать: «Я так не смогу». На фоне свойственной массовой культуре насмешки по отношению к модернизму, ставшей установкой и для многих представителей высокой культуры в советской России, «Трамвай» предлагал осознанную, наследующую авангарду начала века эстетическую позицию и в практике, и в теории.

Сопrotивление советскому миру нашло выражение в перевертывание стереотипных языковых формул, в заигрывании с советской культурой как массовой, с ее значимыми текстами, образами, моральными правилами. Предновогодний выпуск «Трамвая» в 1990 г. предложил разнообразить линейку советских детских журналов изданием для хулиганов. В своей версии «Краткой истории хулиганства» журнал сообщал: «После феодализма наступил капитализм — расцвет хулиганства». Однако «Трамвай» признавал существование и неизученного пока хулиганства социалистического. Апрельский номер 1990 г. оказался перевертышем. Понимая свою особенность, журнал предложил читателям игру — и вышел в одежке журнала «Наш паровоз», «правильного» социалистического, идейного издания. Завершался он публикацией классического произведения ленинианы — рассказа Михаила Зощенко «В парикмахерской». Попутно апрельский «Трамвай» рассказал о Пасхе, графе Калиостро, карнавале, Казимире Малевиче. Эти широта интересов и насмешка над языком советской пропаганды характерны для человека Перестройки.

Рассказов о неопределенной идентичности, на первый взгляд, было немного. Но, дополняя истории о гендерных ролях, эти рассказы составили один из сквозных мотивов журнала.

В майском номере 1990 г. (темой его стала коммуникация) был опубликован рассказ Марины Москвиной «Репетитор» — прекрасная меланхоличная история о том, как ребенок «перевоспитал» педантичного репетитора Владимира Иосифовича. Начавшаяся как противостояние взрослого («Правописание безударных гласных») и ребенка («Давайте посвистим. Вы можете свистеть космическим свистом?»), она завершилась переменой ролей (ребенок открывает взрослому глаза на мир, будь то микромир или события

во дворе) и переосмыслением жизненных целей. В детском журнале дети часто становятся носителями правильной жизненной позиции: открытые миру, они его любят и принимают в отличие от взрослых, принимающих только тот мир, язык которого они уже усвоили. «Трамвай» публиковал сочинения самих детей, разные жизненные модели показывая читателю на примере жизни сверстников.

Дважды в «Трамвае» появляется «собака, которая была кошкой». В одноименном рассказе Ника Босмита (Тима Собакина) в № 7 за 1990 г. читателям предложена модель мира, в котором ты можешь быть кем угодно, не совпадая с одной, раз и навсегда заданной социальной ролью (там действуют «почтальон, который был танцором», «повар, который был музыкантом», «полицейский, который был скалолазом» и другие). В рассказе «Все не так» в № 3 за 1991 г. тетюшка Сольвейг, хозяйка собаки, живет в крайне нестабильном мире: то ли на два города, то ли на два континента; вещи там ломаются, бьются парадоксальным образом, планы не сбываются, слова подменяют друг друга, спасает везение, время течет по кругу, любые попытки выйти из этого круга абсурда основываются на абсурдных действиях. Это несовпадение с самим собой, существование внутри хаоса обстоятельств и стремлений сегодня воспринимается и как одно из описаний советской культуры, и как рецепт излечения. Герои «Трамвая» часто живут и действуют как двойные агенты: если эта раздвоенность осознана, она становится продуктивной для формирования новой идентичности.

В № 8 1991 г. Валерий Роньшин в рассказе «Жил на свете генерал» поведал о том, как генерал и муравей поменялись телами, и муравей, заняв место генерала, попросил жену называть его не «товарищ генерал», а Петя. Эта история — абсурдистский вариант личностной «конверсии», так необходимой многим советским людям. Вообразить себя маленьким и растерянным — это и слабая, и сильная позиция по отношению к нормативному миру прежней культуры. Возможно, в реальной жизни она привела к тому, что не справлявшиеся с переменами мужчины свалили весь груз забот на своих жен. Но на символическом уровне эта слабая позиция ставила под сомнение весь комплекс воззрений советского человека на самого себя.

Последний, десятый, выпуск 1991 г. рассказал о кентаврах и химерах в разных культурах и опубликовал два произведения Даниила Хармса. Горькая ирония текстов Хармса пересеклась

с интонацией переломной эпохи между перестройкой и новыми девяностыми, наступившими вместе с радикальной экономической реформой.

«Трамвай» размыкал для читателей исторические и политико-географические границы, а также границу между детьми, «опекаемыми и обучаемыми», и взрослыми. Он помогал детям осознавать себя не растущими, а состоявшимися личностями, перед которыми стоят многие из тех проблем, что важны для взрослых. Как мы понимаем себя и как мы живем в социальном мире — эти вопросы невозможно отложить на вырост.

«Трамвай» советского времени был изданием, существовавшим между двух миров, на историческом фронтире. Он был прекрасным журналом-вещью, изданным на хорошей бумаге, с затейливым макетом. И одновременно — новаторским по содержанию разговором взрослого с ребенком. Авангардным детским журналом. Детским голосом «перестройки».

Примечание

¹Отзывы о журнале получены от зрителей выставки и приведены с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

SUMMARY

The 11th issue of “Children’s Readings” is devoted primarily to interaction of Russian culture and literature with cultures and literatures of the countries widely understood as Eastern, as well as to certain features of development of children’s literature and literature about children in China and Japan.

The block ARCHIVE consists of two articles written in 1950s and devoted to Chinese literature for children. The authors of these articles are *Boris Riftin* and *Iuri Osipov* who were aspiring philologists-Orientalists at that time. Later, B. Riftin became a famous sinologist, a specialist in Chinese and Taiwan literature and folklore, and I. Osipov focused on the Thai language and culture and became the founder of the “Thai school” at the philological faculty of Leningrad (nowadays Saint Petersburg) University.

A conversation between *Lena Baibikova*, the well-known interpreter from the Japanese language, *Dmitry Iakovlev*, the director of “Bumkniga”, publishing house specialized in original comic books, also the host of drawn stories festival “Bumfest”, and *Ekaterina Riabova*, children’s Japanese literature (including graphic literature) translator was named “‘The shift moment’: Japanese comic books and Japanese children’s literature in Russia”. According to this title, the conversation is devoted to the history, translation and distribution of Japanese graphic literature in Russia and to peculiarities of its perception by the Russian audience.

The block RESEARCH AND MATERIALS in this issue contains texts of different genres united by a common theme.

The article “Vassilii Eroshenko, the Russian writer” by *Anikeev Sergey* and *Takeda Akifumi* analyzes the aspects of literary works of the little-known in Russia symbolist writer Vassily Iakovlevich Eroshenko (1889-1952) and the perception of his heritage in Japanese and Russian literary studies. The blind author, a passionate propagandist for Espe-